

Сивко-Бурко (Заветная сказка)

Жил-был старик, у него было <три> сына, а <трети>й — Иван-дурак: всё пули на клубок вил. Вот когда отец стал помирать и наказыват сыновьям:

— Придите ко мне поочередно на могилу.

Похоронили старика, старший брат говорит Ивану:

— Иди, Ваня, за меня, я тебе красной колпак куплю.

Ваня и пошел. Взял вяз, ударил по могилы — могила и открылась. Отец стал и спрашиват:

— Которой сын?

— Это я, Иван.

Отец побеседовал с ним, приходит времё отцу в могилу уходить, он крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки: конь бежит, земля дрожит, йскопытть что сенное кучьё валит.

— Конь Бурушко, служи ему, как мне служил.

Вот он коня спустил, уздечку под кустик и пошел домой. Приходит домой, разделся — и на печку. Приходит второй вечер, середний брат и говорит:

— Иди за меня на могилу, я тибе красн<ый> кафтан куплю. (*Иван до красного был бедовый.*)

Ив<ан> и отправился к отцу на могилу. Приходит на могилу, ударил дубиной — могила открылась. Отец выходит и спрашиват:

— Которой сын?

Он побеседовал с ним. Крикн<ул> отец по-молод<ецки>, свистн<ул> по-богатырски: конь бежит, земля дрожит, йскопытть что сенная копна валится. Отец и гов<орит>:

— Конюшко Бурушко, сослужи службу, как мне служил.

Взял уздечку — под куст, коня — в поле, сам домой пошел. Приходит домой — и на печку. Вот когда на <треть>ю ночь времё приходит, отправл<ается> опять на могилу. Дубиной по могилы ударил — вышел отец, побеседовал с сыном, крикн<ул> по-богатырски, свистн<ул> по-молодецки: конь беж<ит>, земля дрожит.

— Вот, конь Бурушко, служи моему сыну, как мне служил.

Снял уздечку и домой пошел. Пришел домой, на печку — и полёживае.

Вот через некоторое времё от царя идёт клич:

— На третьем етажe на балконе стоит царевна, кто на коне скочит, царевну поцелует и перстень с руки снимет, за того царь замуж отдает.

Вот стали справляться Ивановы братья, не себе скакать, а хоть людей посмотреть. Иван и говор<ит> братьям:

— Возьмите-ко меня.

— Куды те, дурака, людей полóхать.

Братье ушли, а Ив<ан> гов<орит> невесткам:

— Дайте-ко мне корзину, я хоть пойду грибов наберу на ужину.

Взял корзину и пошел в лес. Корзину бросил, свистн<ул> по-молод<ецки>, крикнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Вот Иванушко в ушко сунулса — вымылса, в друго сунулса — оделса, стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот он оседлал коня и садитса верхом, помчался к царскому дворцу. Не позабывши, по дороге нагнав братьев своих, и хлестнул их плёткой. Вот приежжает на площадь и видит — народу видимо-невидимо. Бьёт коня по крутым ребрам, конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, скочил на балкон и двух венцов не доскочил. Оборотил коня обратно. Народ кричит:

— Держи, держи его!

А его и след простыл. Вот приежж<ает> в поле, спускаёт коня, уздечку, седёлко — под кустик, взял корзину, побрал грибов каких-то и понёс домой. Прих<одит> домой:

— Вот вам, невестки, на жаркое.

А нев<естки> говорят:

— Это тебе одному есть.

Забирается на печку и слушает, что братья будут рассказывать. На другой день братья опять походят, он и говорит:

— Возьмите-ко меня.

— А куда тебя, дурака, людей полóхать.

Братья ушли, а он у невесток просит корзинку:

— Грибов наберу вам.

Взял корзинку и пошел в поле. Корз<инку> бросил, свистн<ул> по-молодецки, крикнул по-богатырски: конь беж<ит>, земля дрожит.

— Конюшко, Бур<ушко>, [стань передо мной, как лист перед травой][1](#).

Братьев не забыл, опять стегнул. Народу собралось еще больше того. Бьёт коня по крут<ым> ребрам, конь осержается, прыгнул — только одного венца не доскочил. Приежжает в поле, набрал грибов каких ни попало и пошел домой.

— Вот, невестки, вам на жаркое.

Нев<естки> гов<орят>:

— Это тебе одному есть.

На <трети>й день пошли, и он выпросился с ними.

Они гов<орят>:

— Куда тебя, дурака, людей полóхать.

Братья уехали, а он взял корзинку, пошел в лес, корз<инку> бросил, свистн<ул> [по-молодецки], крикнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бурушко, стань передо мной, как лист перед травой.

Вот Иванушко в ушко сунулса — вымылса, в друго сунулса — оделса, стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот он оседлал коня и садитса верхом, помчалса к царскому дворцу. Не позабывши, по дороге нагнав братьев своих, и хлестнул их плёткой. Вот приежжает на площадь и видит — народу видимо-невидимо. Бьёт коня по крутым ребрам, конь осержается, от земли отделяется, [выше лесу стоячего, ниже облака ходячего], прыгнул, вокурат на балкон заскочил. Поцеловал царевну, перстень с руки снял.

Народ:

— Держи, держи его.

А Ивана и след простыл. Приехал в поле, коня спустил, узду и седло — под кустик, завезал перстень тряпкой, набрал грибов каких попало и понёс домой.

— Вот вам, нев<естки>, на жаркое.

Сам на печку.

Вот от царя был клич, чтобы никто не смел остаться дома, всяк приходил на царской бал. Кто пиром побрезгует — голова долой. Вот и стали братья собираться на пир. Иван оделся, на ноги лапти, разное охлобочье, руку грязной тряпкой завезал. Вот на пиру стала царевна из своих рук обносить гостей, всех обнесла, не могла натти мужа своего, на последних — к Ивану.

— Что это, молодец, у тебя рука тряпкой завязана?

Развяжи-ко тряпку.

Ив<ан> разв<язал> тряпку, а перстень на руки.

Тогда она говорит:

— Вот, батюшко, мой богосуженой.

Царь приказал отвести [Ивана] в отдельн<ую> комнату. Обмыли, причесали, волосы сняли. И пошло дело за свадьбу. Повенчались и спать помчались.

Жили несколько времени, вдруг слышали, что олень златогривой ходит. А было у царя еще два зятя раньше его. Вот царь и говорит:

— Кто бы поймал этого оленя, я бы полцарства отдал.

Вот зятевьё, два свояка, и стали говорить царю:

— Дай нам денег и по коню, и мы поедем.

Вот когда свояки уехали, Ив<ан> посылает жену к царю:

— Поди-ко попроси каку ни лошадёнку.

Отец:

— Выбирай, кака ему надо.

Вот он пришел, взял худеньку кобылёнку, котор<ой> хуже не было, сел верхом, фост в зубы, а долонью по пи<зд>е, и едет по городу. Выехал за город, лошадёнку убил, шкуру здёрнул на зарод, мясо — воронам:

— Вот вам от царя пища.

Вышел в поле, свистн<ул> по-молод<ецки>, гаркнул по-богатырски: конь бежит, земля дрожит.

— Конюшко, Бур<уш>ко, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь прибежал, Иван сел и помчался, где бегат олень златорогой. Наехал на оленя, накинул верёвку на рога и понёс оленя. Раскинул шатёр, насыпал пшена, спустил оленя и коня есть пшено, а сам уснул богатырск<им> сном. Его свояки приехали и не узнали [его]. Один говорит:

— Давай убьём.

Друг<ой> гов<орит>:

— Разбудим, он, можот быть, и так продаёт.

Когда его разбудили:

— Продай оленя!

Он гов<орит>:

— Не продажной, а заветной.

— А что завет?

— С правой руки по пальцу.

Вот они подумали и согласились. Срубили по пальцу, он имá оленя вручил, а пальцы — в карман. Оны и уехали. Иванушко приехал, коня спустил, поймал сорок и ворон и приносит царю:

— Вот, батюшко, тебе на жаркое.

Свояки привезли оленя к царю. Царь не знат, что с нима делать.

Через неск<олько> время появилась в поле свинка золотая щетинка.

Призывает царь зятевей:

— Вот не може ли достать свинку?

Тогда свояки выпросили у него денег и по коню и отправились. Ив<ан> гов<орит> св<о ей> жене:

— Поди-ко попроси у царя лошадёнку, котор<ой> хуже нет.

Пришел в поле, кобылёнку убил, шкуру здёрнул на зарод, мясо — воронам. Свистн<ул> по-молод<ецки>, гаркн<ул> по-богат<ырска>и: конь бежит, земля дрожит. Сел на коня, поймал свинку зол<отую> щет<инк>у. Раскинул шатёр, насыпал белояров<ой> крупы и лёг спать. Свояки ездили, ездили, увидели шатёр, подъехали, Ив<ана> не узнали. Увидели свинку, один и гов<орит>:

— Давай убьём.

Другой:

— Разбудим, можот, и так продаёт.

Разбудили и говорят:

— Продай свинку!

— Не продажна — заветна.

— Что завет?

— С левой руки по мизинцу.

Вот оны и согласилися. Он в бумажку и в карман, и сам на коня. Приехал в поле, коня спустил, наимал сорок и ворон и приносит царю:

— Батюшко, это тебе на жаркое.

Зятевья привезли свинку, дак царь не знат, что с нима и делать.

Через неск<олько> врем<ени> слышится: ходит в поле кобылица-злотырица. Царь призвал зятевьёв:

— Нельзя ли поймать коб<ылицу>-зл<отырицу>?

Тогда вас положу на царство.

Оны взяли у царя денег и по хорош<ей> лошади и отправились. Иван и гов<орит> жене:

— Поди попроси лошадёнку.

Жена пришла — отец отказал. Пришла к мужу:

— Не дал.

Он опять стал просить:

— Поди попроси у отца.

Она пришла, отец в сердцах:

— Ну, пусть возьмет каку-нибудь.

Он взял худ<ую> кобылёнку. Хвост в зубах, а рукой по пи<зд>е, выехал за город, шкуру сдёрнул, мясо — воронам:

— Нате, ешьте, от царя подарок.

Свистн<ул> по-молод<ецки>, гаркн<ул> по-богат<ырски>:

— Конюшко....

Конь бежит..., прибежал.

— Вот, сослужи мне службу...

— Вот это служба! Возьми три шкуры и обвяжи трём ремням. Это мать моя кобылица. Вот когда мы выедем в полё, она увидит, побежит — и сразу

шкуру долой. <Второ>й раз побежит — <втору>ю шк<уру> долой. И <трети>й раз побежит, торопись на ней прыгать.

Вот когда она третий раз подъехала, он и прыгнул на кобылицу и давай меж уши лупить. Когда она устала и проговорила:

— Ну, когда умел усидеть, то умей и владеть.

Вот Ив<ан> раскинул бел шатёр, посыпал белоярову пшеницу и лёг спать. Когда свояки увидели шатёр и подъехали к нему, один говорит:

— Давай убьём.

Другой:

— Разбудим, можот, так продаёт.

Вот разбудили:

— Продай кобылицу!

— Не продажна — заветна.

— Что завет?

— Ас ляжке по пряжке, со спины по ремню, а с х<у>я по шпильку́.

Они согласились. Он вырезал, завернул в бумажку. Оны уехали, он коня спустил, сорóк, ворон наловил, царю отдал. Вот приехали зятевья с кобылицой к царю. Царь задал пир. Пили-пировали, царь и одумалса:

— А что Ивана-зятя у меня нет? Позвать его на пир.

Когда Иван пришел, то свояки кушают в перчатках. Ив<ан> и вознегодовал:

— Ваше царское величество, позвольте мне слово сказать: вот оне, не поступивши на престол, позволяют кушать в перчатках.

Когда царь приказал снять перчатки, Ив<ан> вынял пальцы и говорит:

— Вот олень-то где!

Пальцы приложили — как тут и было. На другу руку мизинцы приложили — как тут и есть. Стал просить, чтобы байну стопить. Кода байну стопили, пошли в байну, разделись свояки — на спине по ремню нет. Он взял из

кармана ремни и пряжки и приложил: как тут и были.

— Вот кобылица-злотыри́ца.

Тогда царь вознегодовал. А Ивану царство отдал. И стал царствовать и теперь царствует.

(Зап. 11 июля 1928 г. от Т. Л. Смирнова, 63 г., на Шокшозере Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)

1 И прочее. (Примеч. собирателя.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.